

*Coda
books
4.5*

НОВЕЛЛА

СЛОМЯ ГОЛОВУ

МАРИ СЕКСТОН

Слома голову

Автор перевода: Cloudberry

Перевод группы:

<http://vk.com/loveinbooks>

Все началось из-за розового конверта с именем Джареда.

Был вечер пятницы. Мы только что поужинали, и я с холодным пивом устроился на диване, а Джаред сел рядом и, положив на подлокотник стопку тетрадок, принялся проставлять оценки. К нам подбежал наш пес, которого мы полгода назад взяли

из приюта в Боулдере, и положил голову мне на колени. Он был настоящим дворнягой, с умоляющими глазами и всеми чертами гончей, и Джаред настоял на том, чтобы назвать его Скуби.

Я потянулся за пультом, чтобы переключить канал, и в этот момент заметил конверт.

– Что это? – спросил я, забирая его с журнального столика.

– А на что похоже? – отозвался Джаред, даже не подняв на меня глаз.

Конверт был уже открыт, и я вытащил оттуда открытку. На ней было большущее красное сердце, а поперек него – украшенная завитушками надпись «Будь моим Валентином».

– Сегодня День Святого Валентина? – спросил я.

Джаред с веселым удивлением взглянул на меня.

– Завтра. Ты разве не знаешь?

– Нет. Кто бы мог подумать, что *ты* знаешь.

Он пожал плечами.

– Я работаю в школе. Поверь, *такие* праздники девочки-подростки не пропускают.

Я снова посмотрел на открытку. Заглядывать внутрь я не стал – отчасти чтобы не показаться чересчур любопытным, но еще больше из-за нежелания узнавать, что там написано. Я боялся, что иначе разозлюсь еще больше.

– И кто подарил тебе валентинку? – спросил я, стараясь подавить ужасное чувство, закипевшее во мне при мысли,

что его хочет кто-то еще.

– Одна моя ученица.

– *Ученица?* – повторил я с куда большим гневом, чем то было оправданно.

– В чем дело, Мэтт? – поддел меня он. – Ревнуешь к семнадцатилетней девочке?

– Нет! – отрезал я. Но мы оба знали, что я соврал.

– В этом нет ничего такого, – сказал он и вернулся к своим тетрадкам.

Я знал, что он прав.

Школьница да еще слишком

юная – и вдобавок ко всему женщина – не представляла для меня абсолютно никакой реальной угрозы. Однако, когда дело касалось Джареда, я терял способность рассуждать здраво. Меня злил сам факт, что кто-то чужой подарил ему валентинку.

– Я считаю, что ты не должен поощрять подобное поведение, – заявил я.

Обычно Джаред находил мою ревность забавной, но во взгляде, которым он наградил меня сейчас, было в основном

раздражение.

– Знаешь, иногда приятно почувствовать, что тебя ценят, – ответил он резко.

И что мне полагалось на это ответить? Неужели он думал, будто я не ценю его? Если так, то он ошибался, но возражать было бессмысленно. Что бы я ни сказал сейчас, мои слова прозвучат неискренне, как оправдание.

Остаток вечера, пока он занимался оценками, прошел в почти полном молчании. Я никак не мог понять, сердится ли он

еще или уже нет, но спросить прямо боялся. Не хотел нарываться на ссору. Я узнал ответ на свой вопрос, только когда мы легли в постель. Я потянулся к нему, а он без единого слова повернулся ко мне спиной, и я остался лежать на своей половине, гадая, что теперь делать.

Прошло три года с тех пор, как мы познакомились. Два с половиной из них мы были любовниками, а год назад я подарил ему кольца. После того,

как мы с Джаредом открылись
моим родителям, наши
отношения вошли в спокойную
колею. Мы были неизменно
счастливы вместе, но то был
сдержанный, удобный тип
счастья. Теперь я забеспокоился,
что с нами произошло то же, что
и со многими другими парами.
Что мы стали принимать друг
друга как должное. Говоря за себя,
я мог честно сказать, что люблю
его не меньше, чем раньше – а
может, и больше, – но я был не
особенно эмоциональным

парнем. Возможно, мне стоило активнее проявлять свои чувства.

Я спал урывками и проснулся в 4:15 от сигнала будильника. Пора было собираться на смену с пяти до двух. Джаред еще спал, как обычно раскинувшись на животе по центру кровати. Я отвел его кудри в сторону, чтобы поцеловать в шею, потом скользнул ладонью вниз по спине и услышал, как его дыхание изменилось.

– Скажи, что ты больше не сердишься, – попросил я.

Он вздохнул и сонно ответил:

– Не сержусь.

– Правда?

– Честное слово.

– Прости, что я такой
ревнивый засранец.

– Ты прощен, – проговорил он.

– А теперь иди. Я хочу спать.

– Увидимся в два.

Я начал вставать, а он
пробормотал в подушку:

– Вообще-то не увидимся.

Ученический совет втянул меня в
подготовку зала к сегодняшним
танцам в честь праздника.

– Соболезную.

– Наоборот, я был просто счастлив выйти из роли наставника. – Он откатился от меня и, накрывшись с головой, проговорил из-под одеяла: – Я буду дома к пяти. Надеюсь.

– Хорошо, – сказал я. – Но ты точно больше не сердишься?

– Мэтт, сейчас четыре часа утра. У нас все нормально, ясно? А теперь уматывай.

И я умотал.

Он сказал, что больше не сердится, и я поверил ему. И тем

не менее его вчерашние слова
весь день не шли у меня из
головы. *Иногда приятно
почувствовать, что тебя ценят.*
Вывод напрашивался один.
Джаред думал, будто я не ценю
его. И я занервничал.

После работы – как будто
собственных тревог мне было
мало – я зашел в раздевалку и
увидел там Гранта Джеймсона,
который в теории должен был
готовиться заступить на смену, а в
реальности сидел, держась за
голову, на деревянной скамейке.

Я не был большим поклонником Гранта. После того, как мы обошли его в велосипедной гонке, его поведение стало заметно терпимей – он перестал называть Джареда бабой и отпускать язвительные комментарии о моей ориентации, – и тем не менее мы оба понимали, что лучшими друзьями нам никогда не стать.

– Грант, ты чего? – спросил я не столько из беспокойства, сколько из вежливости, и приготовился к любому из

обычных ответов: что он устал, или приболел, или мучается похмельем.

– Меня бросила Конни.

Такого я от него не ожидал.

Мы с Грантом, хоть и не дружили, но плотно контактировали на работе, и я был достаточно наслышан о проблемах у него в браке. Но я не знал, что все до такой степени плохо.

– Что случилось? – спросил я.

Он с горечью рассмеялся.

– Она сказала, что я принимаю

ее как должное. Что я больше не ценю ее.

Мне следовало как-то отреагировать. Посочувствовать или предложить после смены купить ему пива. Но единственным, о чем я мог думать, были слова, которые преследовали меня весь день. Все это походило на знак свыше. Я был обязан что-то сделать для Джареда. Нечто такое, чтобы он узнал, что я чувствую. В конце концов, сегодня был День влюбленных. Чем не повод

попробовать показать ему,
насколько сильно я люблю его?

После работы я без единой
идеи в голове зашел в магазин.
Далеко углубляться мне не
пришлось: хозяева сделали
доброе дело и выставили все свое
праздничное барахло на одном
прилавке, перед которым,
пытаясь что-то урвать, стояла
толпа мужчин. Шоколадные
наборы стремительно
расходились – при том, что было
всего два часа дня. Сколько из
этих мужчин не знало, что

сегодня за день? А сколько еще было в неведении, какая кара их ждет, когда они заявятся домой с пустыми руками? Я представил, что будет твориться в магазине после пяти – драки за последние букеты и так далее – и чуть было не засмеялся вслух. Прямо-таки заголовок для новостей: «Битва за розы. Отчаявшиеся мужчины пытаются доказать свою любовь».

В общем, варианты подарков были такие: открытки, цветы, плюшевые игрушки и коробки шоколада в форме сердца. Я

представил, как вручаю что-либо из этого Джареду, и почувствовал, что заливаюсь краской. Он улыбнется, конечно, – он всегда улыбался, – но я прямо-таки увидел, как в глазах у него начинает плескаться веселье, и он изо всех сил сдерживается, чтобы не расхохотаться. Какому мужчине захочется получить в подарок дешевую шоколадку и розового плюшевого медведя? Ему бы упаковку пива и билеты на игру. Но не это псевдоромантическое дерьмо.

Чем дольше я стоял у цветочно-плюшевого прилавка, тем глупей себя чувствовал. Все это было попросту не для нас.

Сдавшись, я вернулся в машину. Итак, традиционные подарки отпадали.

Стопроцентно. И все же надо было что-то придумать. Билеты на футбол – вот был бы идеальный вариант, но сезон давно кончился. С другой стороны, аренабол еще шел. *(американский футбол в закрытых помещениях – прим. пер.)* И в

Денвере, и в Форт-Коллинсе
имелись свои команды, но я,
конечно, понятия не имел, когда
они играют, или будет ли
Джареду интересно, поскольку он
никогда об аренаболе не
упоминал. Еще был хоккей, но с
хоккеем я мог разориться. Был
баскетбол с копеечными
билетами на денверских
«Наггетс» – потому что местным
было насрать на них, – но Джаред
считал профессиональный
баскетбол ужасающе скучным,
так что и этот вариант можно

было вычеркивать.

Продолжая ломать голову, я проехал мимо «От А до Z» и поймал себя на том, что притормаживаю. Возможно, вот он, ответ. Ничего нарочитого, но простой вечер дома и совместный просмотр кино. Разве не романтично?

Звякнув колокольчиком на двери, я вошел в прокат. За стойкой сидел один только Зак, который дружески помахал мне, а затем вновь углубился в изучение того, что происходило на экране

его монитора. Я надеялся застать здесь Лиззи, или Сьюзен, или свою мать, чтобы спросить у них совета насчет кино. Даже Анжело мог бы помочь – предварительно вдоволь надо мной поиздевавшись. Но никого, кроме Зака, здесь не было, а Зак – несмотря на статус владельца видеопроката – ни черта не смыслил в кино. А значит, мне предстояло справляться своими силами. Что было прискорбно, потому что я понятия не имел, что искать.

Да еще Анжело никак не мог держать фильмы на своих местах, постоянно перемещая стеллажи. Я считал это контрпродуктивным, ведь людям приходилось какое-то время поблуждать, чтобы найти свою любимую секцию. Он отвечал, что так и задумано, потому что по пути они могут наткнуться на что-то новое. Я говорил, что это манипуляторство. На что получал предсказуемый ответ: «Да похер». Несмотря на свое обычное раздражение, связанное с вечной

необходимостью искать полки с боевиками, я вынужден был признать, что сейчас его тактика помогла мне, поскольку в честь Дня влюбленных он переставил стеллаж романтических фильмов прямо ко входу. Слева от него стояла другая коллекция – с низкобюджетными ужастиками, действие которых разворачивалось 14-го февраля. В общем, Анжело позаботился обо всех сторонах праздника.

Названия фильмов слева были мне знакомы – «Когда Гарри

встретил Салли», «Дневник памяти», «Красотка», – но ни одного из них я не видел. Я выбрал первый и начал читать описание сюжета на обороте.

– Да ты, блин, прикалываешься, – раздался за моей спиной голос Анжело, и я подпрыгнул от неожиданности. – Чувак, не вздумай брать эту чушь.

– Почему?

– Потому что это претенциозная, сентиментальная хрень.

– Но сегодня День Святого Валентина, – воинственно сказал я.

– Ну и что?

Я вздохнул и поставил коробку с фильмом на место. Анжело нравился мне. Он был мне как брат. И потому иногда мне хотелось по-братски наkostenять ему – только затем, чтобы доказать, что я могу и ответить.

– Анж, давай ты уймешься, а? Просто я подумал, что сегодня это будет уместно. Вот и все.

– Если бы Джаред был

телочкой, тогда да, конечно. Но он парень. Поверь, для него это будет пыткой, если ты усадишь его смотреть это кино.

– Тогда, может, предложишь что-то свое, умник?

Он склонил голову набок, словно оценивая меня. Словно прикидывая, воспринимать меня всерьез или нет.

– Можете прийти к нам. Мы устраиваем Анти-день Святого Валентина. Никаких сопливых киношек, никакого вина. Только пиво, начос и три вида куриных

крылышек.

– Что будешь показывать?

– «Славных парней».

(криминальная драма Мартина Скорсезе – прим. пер.)

– Не очень-то романтично.

– В том и вся фишка!

– Анжело, ты понимаешь,

насколько ты сейчас *не*
помогаешь мне?

Он покачал головой.

– Наоборот, чувак. Еще как
помогаю. Ты просто не
догоняешь.

– Да пошел ты, Анж.

– Серьезно, Мэтт, послушай меня. А то после стольких лет, проведенных с телочками, у тебя деформировались мозги. Мужчинам плевать на этот день, а суетсяя они лишь затем, чтобы угодить своим леди. Но нам повезло. Мы не обязаны всем этим заниматься. В том и есть одно из кучи преимуществ не быть натуралом! – Я отказывался верить ему. Неужели я должен был сесть, сложа руки, только потому, что жил не с женщиной, а с мужчиной? Парням тоже

приятно внимание, разве нет?
Анжело вздохнул, по-видимому
заметив мое сомнение. – Чувак,
давай докажу, раз ты не веришь. –
Он оглянулся и крикнул через
плечо: – Зак!

Зак оторвался от монитора.

– Что?

– Ты знаешь, что сегодня День
Святого Валентина?

Секунду Зак тупо смотрел на
нас с таким видом, словно его
контузило.

– Нет.

– Ты купил мне подарок?

По щекам Зака поползла краска. Он нечасто краснел, но вопрос Анжело явно заставил его встревожиться.

– Э... нет.

– Хорошо. Я тебе тоже.

На лице Зака отразилось почти комичное облегчение.

– Слава богу, – пробормотал он и опять уткнулся в компьютер. – Иисусе, Анж, больше не пугай меня так.

На лице у Анжело заиграла его фирменная дерзкая улыбочка, которая могла бы показаться

обаятельной, но только не тем, кому она была адресована.

– Видал?

– Прекрасно, – сказал я. – Но мне все равно хочется что-нибудь для него сделать.

– Ну так сделай ему минет.

– О господи! – Я пытался спрятать смущение, чтобы не давать ему нового повода для насмешек. Мы с Анжело могли разговаривать практически обо всем. Подчеркну – практически. Единственной темой, которой мы никогда не касались, был секс,

потому что для меня сексуальная раскрепощенность Анжело была чем-то совершенно непостижимым, а его, в свою очередь, дико забавляла моя сдержанность в отношениях с Джаредом. – Я имел в виду, что-то кроме.

– Ты прав, – сказал он, и его тон сообщал, что со мной еще далеко не закончено. – Минет это скорее для дней рождений. Сделай ему что-то такое, чего обычно не делаешь, но знаешь, что он протащится.

– Например?

Он закатил глаза.

– Чувак, мне-то почему знать? Я никогда не был с ним в спальне.

– Анжело, ты по-прежнему *не* помогаешь.

– Ну хорошо, – сказал он. – Хочешь нормальную идею?

– Да.

Он прислонился к киношному постеру на стене, скрестил руки и со сдержанным весельем на лице уставился на меня.

– Ты когда-нибудь подводил глаза?

– *Что?* Естественно, нет!

– Ладно, все равно это,

наверное, не в его стиле. А как насчет кожи? – Он окинул меня с головы до ног откровенно оценивающим, сексуальным взглядом, чего раньше никогда в мою сторону не позволял. И я всей душой надеялся, что это было в первый и в последний раз.

– Во. Кожаная упряжь, – сказал он. – Тебе точно пойдет.

Я, понятно, бесконечно смутился, а он, жутко раздражая меня, еще сильнее развеселился.

Впрочем, я же сам попросил его подкинуть какую-нибудь идею.

– Даже будь у меня такое желание, где, по-твоему, я должен раздобыть эту упряжь да еще за пару часов? Что-то я сомневаюсь, что в Коде этим торгуют.

– Тоже верно.

– Еще есть идеи?

– Ты когда-нибудь давал ему себя связывать?

– Нет.

– Может, свяжешь его самого?

Уровень моего дискомфорта быстро приближался к отметке

«НЕВЫНОСИМО».

– Все, – сказал я. – Забудь.

Придумаю что-нибудь сам.

– Конечно, придумаешь, – ответил Анжело тоном, явно указывающим на то, что он уверен в обратном. И меня взбесило то, что скорее всего он был прав.

Когда я повернул к выходу, меня вдруг окликнул Зак.

– Мэтт?

Я удивился, потому что мы с Заком практически не общались. Не то чтобы мы недолюбливали

друг друга, но, если честно, кроме Анжело с Джаредом, у нас не было совершенно ничего общего. В большинстве случаев нам с Заком было попросту не о чем разговаривать.

– Да? – сказал я, обернувшись.

– Приготовь ему ужин.

Я был готов расцеловать его.

Какое простое и вместе с тем идеальное предложение! Обычно мы с Джаредом обходились спагетти или бутербродами, а еще чаще заказывали пиццу или ужинали в кафе. Но устроить

настоящий домашний ужин?
Джаред точно оценит. И как я сам
до этого не додумался?

– Хорошая идея, – сказал я.

– Ну да, – вставил Анжело, –
если хочешь развести побольше
соплей.

Я, впрочем, знал, что он
подкалывает меня просто так,
чтобы я не расслаблялся. В его
улыбке – совершенно искренней
– не было и следа насмешки.

– Вот. – Зак написал что-то на
клочке бумаги и протянул его
мне. Там оказалась пара слов на

испанском. А может, на итальянском. Так или иначе, мне они ни о чем не говорили. – Покажи это в винном на углу, – сказал он. – Оно очень вкусное. Пока будешь готовить, открой бутылку, чтобы вино подышало, и тогда к моменту, когда вы сядете есть, оно будет идеальным.

Насчет вина я несколько сомневался, однако он пытался помочь мне, и я был ему благодарен.

– Спасибо, Зак, – сказал я, потом оглянулся на

ухмыляющегося Анжело. – А ты, Анж, обойдешься. – Он весело показал мне фак, и я рассмеялся. Какое облегчение – наконец-таки обзавестись планом.

От них я опять отправился в магазин. Взял стейки, бутылочку маринада, брокколи и картошку. Потом, вновь остановившись у прилавка с подарками, уставился на оставшиеся цветы. Я не представлял, как вручить букет Джареду, не почувствовав себя при этом полным придурком, но его, по крайней мере, можно

было поставить на стол. Такой вариант почему-то казался приемлемым. Выбрав букетик поменьше, я бросил его в корзину, затем зашел в винный, о котором говорил Зак, и купил там бутылку вина и штопор, поскольку мог поручиться, что этой вещи в нашем хозяйстве не было. Мы с Джаредом пили только Dr. Pepper и пиво, однако я решил дать вину шанс. В конце концов, я же пытался устроить нечто особенное.

Первым делом по

возвращении домой я поставил
стейки мариноваться. Потом
принялся разгребать вечный срач
на обеденном столе. Сам я
старался держать вещи в порядке,
а вот Джаред был настоящим
неряхой, и то, что мне удавалось
удерживать его бардак в пределах
одной этой комнаты, я
расценивал как победу. Чего там
только не было. Счета, газеты,
школьные бумаги и скидочные
купоны, которые он собирал, но
всегда забывал взять с собой в
магазин. Документы Скуби и куча

прошлогодных рождественских открыток. Кофейные чашки, бумажные стаканчики и пара перчаток, которые я искал с ноября. В какой-то момент я начал жалеть, что не выбрал вариант с рестораном.

Наконец пространство полированного дерева, оно же наш обеденный стол, было расчищено, и я приступил к процессу приготовления ужина. Сперва, следуя совету Зака, я открыл вино, чтобы оно подышало – что бы, черт побери,

это ни значило. Затем через заднюю раздвижную дверь вышел во дворик, где стоял гриль. И обнаружил на его месте сугроб. Зима в этом году выдалась снежная. Наш дом выходил лицом на юг, и если со стороны фасада колорадское солнце растопило снег, то сзади, в тени, он обещал пролежать еще месяц. Дрожа от холода, я откопал гриль из-под снега, после чего включил газ и нажал кнопку поджига.

Ничего не произошло.

Я нажал на кнопку еще раз.

Потом еще и еще.

Безрезультатно. Грилю был всего год, но эти идиотские кнопки всегда быстро ломались. Я вернулся в дом и начал искать спички. Обшарил всю кухню. Заглянул в ящики журнального столика. Даже поискал в спальне, хоть и не представлял, как их могло туда занести.

Спичек нигде не было.

Тогда я быстрым шагом отправился к нашему соседу Джиму. Ему было двадцать с небольшим, и после того, как его

вытурили из колледжа, он работал продавцом в продуктовом. Я не сомневался, что Джим покуривает, причем не слабо, и сейчас, когда он с испуганным видом выглянул из-за двери и даже не пригласил меня в дом, мои подозрения подтвердились. Хотя в целом парень он был неплохой. Да, оставил меня дрожать на крыльце, но довольно скоро вернулся.

– Спичек нет, но есть лишняя зажигалка.

Он протянул мне «бик» с заметными следами смолы, и я вздохнул. Ему хватило ума не пускать меня в дом, но до того, чтобы не светить зажигалкой, концом которой прикрывали тлеющую в трубке траву, он не додумался. Иногда я жалел, что не могу отключить свое мышление копа.

– Спасибо, Джим. Ты мой спаситель.

Я поспешил обратно. Перешел дорогу, забежал на крыльцо, открыл дверь...

Точнее попытался открыть, но у меня ничего не вышло. Она захлопнулась.

– Черт!

Джаред не раз шутил, что моя привычка закрывать за собой дверь пахнет паранойей. Я же считал ее базовым правилом безопасности. Чаще всего я делал это, не замечая, на автомате, и на сей раз оно вышло мне боком, поскольку ключи остались висеть на крючке внутри. Чертовы ворота во двор тоже не открывались снаружи – из тех же

соображений безопасности, – так что пришлось мне перелезть через забор.

– Черт! – снова ругнулся я, заметив, что разорвал рубашку. Хорошо, хоть задняя дверь осталась открыта, и я смог попасть в дом, чтобы встать там, пытаясь согреться, пока вокруг меня с беззастенчивым энтузиазмом скакал Скуби.

Конечно, не прошло и минуты, как я осознал, что нужно вернуться на улицу. Я ушел к грилю и снова пощелкал

кнопкой. Ничего. Тогда я
попробовал зажигалку Джима.
Опять никакой реакции.

Я выкрутил газ на полную и
начал попеременно щелкать то
кнопкой, то зажигалкой. Без
толку. И тут до меня дошло, что
будь в баллоне пропан, то к этому
моменту я наверняка уже взлетел
бы на воздух. Стоило, наверное,
порадоваться, что все обошлось.
Однако никакой радости я не
почувствовал.

Я прикинул, не сбегать ли в
магазин за новым баллоном, но

поскольку приближалось пять,
решил не тратить зря время.
Впервые в жизни жалея, что у нас
нет дурацкого электрогриля
Джорджа Формана, я вернулся в
дом и, остановившись посреди
кухни, стал ждать, когда на меня
снизойдет вдохновение. Жарить
стейки на сковороде
представлялось мне невероятно
унылым решением. А что, если в
духовке? Я уставился на
переключатели, словно там
магическим образом могли
появиться слова «стейк на гриле».

И внезапно узрел нужный режим. Жаровня. Это же все равно, что гриль, верно? Я включил духовку, потом открыл ее и, нагнувшись, с детским восторгом увидел, как спирали в верхней ее части начинают зловеще краснеть. Идеально! Берешь мясо, включаешь огонь, и вуаля! Стейк на гриле готов. И не надо морозить задницу.

А вот с овощами мне предстояло повозиться подольше. Изначально я планировал запечь картошку в духовке, но она была

уже занята. Микроволновка тоже отпадала, потому что Джаред клялся, будто все из микроволновки на вкус как резина. Лично я считал, что он бредит, но поскольку ужин все-таки предназначался ему, решил оставить его с его сомнениями в покое и приготовить пюре. Я никогда его раньше не делал, но это блюдо не казалось мне сложным. Сперва надо было почистить картошку. Специальных приспособлений для чистки у нас не было, и

потому я воспользовался
обычным ножом – как миллион
раз делала моя мама, пока я рос.
Однако, если у нее это
получалось легко и просто, то
моя попытка оказалась далеко не
такой успешной. В процессе
чистки картофелины
уменьшились чуть ли не вдвое,
но в конце концов я разделался с
ними, порезал на кубики и,
бросив в кастрюлю с водой,
поставил вариться.

Я взглянул на часы и
всполошился, увидев, как много

времени потратил на расчленение несчастной картошки.

Максимально ускорившись, я покрошил брокколи. Тут я знал, что надо делать – просто налить на дно кастрюли немного воды, чтобы брокколи не сварилась, а скорее приготовились на пару, и включить огонь. Впрочем, для овощей на пару была нужна еще одна вещь: крышка. Мне пришлось потратить какое-то время на поиски, но в конце концов я все же нашел крышку в

одном из ящичков под плитой. Она была стеклянной и не совсем подходила по размеру, но я решил, что сойдет и так.

Теперь осталось разобраться с мясом. Духовка уже прогрелась, поэтому я вытащил стейки из маринада и разложил их на решетке, а потом снова проверил время. Неплохо. Возможно, в итоге у меня-таки все получится.

Я расставил тарелки, разложил столовые приборы и приступил к поискам бокалов. Они оказались на верхней полке,

в самом углу, поэтому, чтобы до них добраться, пришлось вытащить весь странный ассортимент рюмок, стопок, ваз и маленьких стаканчиков для сока – все, чем мы никогда не пользовались. Наконец я дотянулся и до бокалов, а прочее отодвинул на столешнице в сторону, чтобы убрать позже. Бокалы оказались покрыты слоем пыли и жира. Бог знает, когда ими пользовались в последний раз. Я помыл их и отнес на стол. Теперь надо было куда-то

пристроить цветы. С этим не пришлось долго мучиться, поскольку во время поисков бокалов я вытащил и несколько ваз. Я пошел обратно на кухню и на пороге остановился как вкопанный.

Кухня была полна дыма, который валил клубами из одной из кастрюль. Я снял ее с плиты и, заглянув внутрь, увидел дымящиеся зеленоватые угольки, после чего в смятении посмотрел на вторую кастрюлю.

Иногда я был таким идиотом.

В спешке я накрыл крышкой не ту кастрюлю, поэтому картошка, полностью залитая водой, только начала закипать. Во второй же кастрюле, где воды было на сантиметр, вся вода выкипела, и брокколи на пару стали углем. Просто прекрасно.

Я бросил дымящуюся кастрюлю с брокколи в раковину и снял крышку с картошки. Но что-то продолжало гореть.

Отложив крышку, я открыл духовку. И меня едва не снесло волной повалившего оттуда

черного дыма. Шипящие на решетке стейки сгорели вверху, а внизу как были, так и остались розовыми. Внутри все было залито жиром, который, по-видимому, и стал основным источником дыма. Похоже, положить стейки на голую решетку было не лучшим решением. Может, стоило использовать противень? Хотя у нас все равно ни одного не было.

Я огляделся в поисках прихватки и, конечно, ничего не нашел. Зато нашел полотенце.

Сложив его, я выдвинул на себя решетку и с помощью вилки переложил стейки в тарелку. Если найти сковороду, можно поджарить их со второй стороны, и они станут вполне съедобны. Плюс у нас оставалась картошка, так что рано было считать ужин испорченным.

Чтобы выгорел оставшийся жир, я оставил духовку открытой и включил вытяжку. Потом полез в шкафчик, начал высматривать подходящую сковороду... и тут краем глаза заметил нечто

полыхающе-красное. Я обернулся и застонал.

Убрав с плиты брокколи, я забыл выключить конфорку, и теперь она раскалилась настолько, что от нее, наверное, можно было прикурить сигарету. А сверху лежала стеклянная крышка, которую я снял с картошки.

Мне хватило ума не браться за нее голыми руками. Я взял полотенце, которым пользовался вместо прихватки, потянулся к крышке, но не успел дотронуться

до нее, как она растрескалась. Ну как растрескалась. Взорвалась. Чуть не обделавшись от испуга, я выронил полотенце и отскочил назад, уклоняясь от разлетающихся осколков. Некоторые из них попали на линолеум, линолеум начал плавиться, а я сдуру стал затаптывать их, будто огонь, но добился только того, что втоптал раскаленное стекло еще глубже.

– Черт! – заорал я.

Но то было еще не самое худшее.

Рядом со мной что-то
вспыхнуло, и я в ужасе метнулся к
плите. Оказалось, я так и не
выключил долбанную конфорку.
Мало того, когда взорвалась
крышка, я бросил на нее
полотенце – прямо на
ослепительно-красную спираль.
Теперь оно горело, и пламя
весело лизало вытяжку над
плитой.

В голове у меня беспорядочно
запрыгали самые дикие мысли
насчет того, что полагается
делать дальше. Залить пламя

водой? Засыпать содой, которой у нас не было, или мукой? А может, сахаром? Или пусть прогорит до конца? Мне показалось, я простоял в ступоре целую вечность, но на самом деле наверняка прошло не больше секунды. В итоге я сделал то, что по моему мнению сделал бы в сложившейся ситуации любой здравомыслящий человек. Взял первое, что попало под руку – этим предметом оказался букет цветов, аккуратно завернутый в целлофан, – и начал забивать им

горящее полотенце.

Целлофан расплавился, стебли сломались, лепестки облетели, но мне удалось-таки сбить огонь и выключить, наконец, конфорку. Я бросил тлеющие остатки полотенца к кастрюле брокколи в раковине, а потом чуть из кожи не выпрыгнул, потому что мне в уши ворвался пронзительный звук. Сработала пожарная сигнализация – несколько запоздало, если учесть, что полдома было в черном дыму. Я вышел в прихожую и принялся

отгонять от сигнализации дым в тщетной попытке заставить ее заткнуться. Когда ничего не вышло, пришлось принять более радикальные меры, а именно оторвать ее от потолка и зашвырнуть в угол. Увы, но сигналить проклятая штуковина не перестала.

У моих ног что-то зашуршало, и я, оглянувшись, увидел направляющегося в гостиную Скуби.

– Скуби? – позвал его я, испугавшись, что он обжегся или

поранился в хаосе кухни. Он повернулся ко мне, и я увидел в зубах у него...

Толстый кусок сочного стейка.

– Скуби, фу! – бросившись к нему, заорал я. От моего окрика он поджал хвост, но стейк не уронил. – Плохая собака! – рывкнул я и вцепился в стейк. – Плохая, плохая собака! А ну отпусти. Отпусти немедленно, злобный ублюдок! – Но челюсти Скуби остались намертво сжаты. Выпускать свою добычу он не собирался.

Мне пришло в голову,
насколько нелепо вся ситуация
выглядела со стороны. Дом был
заполнен дымом, в углу визжала,
не переставая, пожарная
сигнализация, а посреди всего
этого мы с моим псом в
буквальном смысле дрались за
обуглившийся кусок мяса.

И в этот момент, естественно,
вошел Джаред.

Планировка в нашем доме
была открытая, поэтому он мог
видеть абсолютно все: погром на
кухне, дымящуюся плиту,

стонущий в углу детектор дыма и нас со Скуби, замерших в ожидании его реакции.

Я любил Джареда, но если у него и был один большой недостаток, то вот какой: очень часто он реагировал, не успев подумать. Так случилось, к моему сожалению, и на сей раз.

– Какого дьявола тут происходит? – заорал он, после чего подобрал с пола детектор дыма, выбросил его на газон снаружи и захлопнул дверь. Не знаю, что его выключило, свежий

воздух или что-то еще, но я наконец-то перестал слышать визг этой чертовой штуки. – Ты что, решил спалить дом? Я еще на тротуаре почувствовал запах дыма! – Он промаршировал на кухню и закрыл духовку, потом выключил и ее, и оставшуюся конфорку, на которой варилась все еще безнадежно далекая от пюре картошка. – Мэтт, что за нахер?

Я перестал играть со Скуби в перетягивание каната, и он, ликуя, убежал со своим трофеем.

Даже если бы мне и удалось вырвать у него чертов стейк, все равно теперь ни один из нас не стал бы его есть. Вслед за Джаредом я поплелся на кухню, где он остановился, уперев руки в боки, и с убийственным выражением на лице. Моим первым порывом было ответить ему в тон, но я сдержался. Я не хотел с ним ссориться. Только не сегодня.

Я тяжело вздохнул и с чувством полного поражения прислонился к кухонной стойке.

Я хотел сделать ему приятное, и что в итоге? Он злился, а я был должен оправдываться. Мне еще повезет, если со мной будут разговаривать, когда мы пойдем спать.

– Я пытался приготовить для тебя ужин, – сказал я.

Удивительно, но его гнев сразу погас. Он огляделся, по очереди замечая оставшийся стейк, подгоревший с одной стороны и лопнувший, так что наружу вылезло сырое мясо; сгоревшее полотенце и брокколи в

раковине; усыпанный осколками
пол; картошку на плите, которая
уже не кипела; расплавленный
ком того, что однажды было
целлофановым конусом, с
остатками почерневших роз.

С нескрываемым изумлением
на лице он вновь повернулся ко
мне.

– Ты купил мне цветы?

Я почувствовал себя идиотом.
Покраснел и с трудом нашел в
себе силы поднять глаза.

– Да.

– На День Святого Валентина?

Иисусе, вот стыд-то.

– Да.

Он прикрыл глаза, и я практически увидел, как колесики у него в мозгу завертелись в обратном направлении. Когда он снова взглянул на меня, в его ярко-голубых глазах сияла улыбка. Он был так прекрасен, что больно было смотреть.

– Спасибо.

Что ж, по крайней мере он больше не злился. Но то было слабое утешение, если оценить

устроенный мной бардак.

– Прости, что я облажался.

Не переставая улыбаться,
Джаред покачал головой. Вновь
оглядел кухню, и его взгляд
остановился на бутылке вина –
единственной уцелевшей детали
нашего ужина.

– Ты купил вино?

Я вздохнул, ощущая себя
самым большим дураком на
свете, и из меня посыпались
слова:

– Зак посоветовал. Сказал, что
оно хорошее. Мне хотелось

сделать тебе приятное, но я не знал что, и потому заглянул в прокат и...

Но он меня не дослушал. В один шаг подошел ко мне и, прерывая мое словоизвержение, поцеловал – робко и нерешительно. Он очень давно не был со мной таким. Все мое разочарование мигом рассеялось. Я крепко прижал его к себе, отвечая на поцелуй, и моя настойчивость быстро перекрыла его внезапную робость. Наконец он оторвался от моих губ – с

пылающими щеками, но по-прежнему улыбаясь.

– Спасибо тебе, – повторил он.

– Я все уберу, – пообещал я.

Его улыбка стала еще шире.

– Потом. – Он ушел от меня к стойке, где стояла открытая бутылка вина, выкрутил из штопора пробку и заткнул ею бутылку. – Пошли.

– Куда?

Он не ответил. Подхватил бутылку вина и два простых стакана, которые я оставил на стойке, пока занимался поисками

бокалов.

– Бери пальто, – сказал он, и я не стал спорить.

Джаред довел меня до джипа и сел за руль, а вино со стаканами передал мне. Мы проехали мимо «От А до Z», после чего он повернул налево.

– Куда мы едем? – спросил я, и он улыбнулся.

– Увидишь.

Смысла допытываться не было, и я откинулся на сиденье и закрыл глаза. Я подумал об ужине, о том, что Скуби,

наверное, в эту минуту доедал второй стейк, и запоздало понял, что перед уходом стоило по крайней мере подмести осколки стекла.

– Я прожег линолеум.

К моему облегчению Джаред рассмеялся.

– Мне все равно. Прости, что я разорался, когда пришел. С моей стороны это было настоящее свинство.

Еще какое, но я знал Джареда. И понимал, что он не со зла.

– Ничего, – сказал я.

– Это было так неожиданно, – произнес он. – Мы же никогда не отмечали День Святого Валентина.

– Знаю.

– Я ничего для тебя не приготовил.

– Я ничего и не ждал, – сказал я. – Просто... – Я не мог смотреть на него – настолько нелепо прозвучали мои следующие слова. – Мне захотелось сделать для тебя что-то особенное.

– С каких пор День Святого Валентина приобрел для тебя

какое-либо значение? – спросил он. То было не обвинение, а обычный вопрос, причем обоснованный, поскольку предыдущие два праздника прошли мимо нас, не удостоившись с нашей стороны даже упоминания.

– Ты сказал, что не чувствуешь, что тебя ценят.

Он покачал головой.

– Я говорил о школе. И о своих учениках.

– Твои ученики тебя обожают.

Он снова покачал головой.

– Так было раньше, но теперь... Когда я начал работать в школе, мне дали детей, с которыми я занимался дома как репетитор. Они так намучались с предыдущими учителями и потому страшно обрадовались, оказавшись у меня в классе. Буквально ловили каждое мое слово.

– Сейчас это не так?

– Те дети уже выпустились. И я превратился в одного из тех злобных учителей, которые

задают слишком много домашней работы. – Джаред вздохнул и махнул рукой, словно отгоняя от себя невеселые мысли. –

Неважно. Просто мне стало чуть-чуть себя жалко. – Он коротко взглянул на меня, потом вернул глаза на дорогу. – Почему ты решил, что я говорил о тебе?

Он был со мной честен. Теперь пришла моя очередь. Я сделал глубокий вдох и выложил ему все, как есть. Я рассказал о своей иррациональной ревности и о жене Гранта, которая ушла,

потому что почувствовала себя ненужной; о том, как я испугался, что он чувствует то же самое, и о своем желании сделать для него что-то особенное. Поначалу я ощущал себя скованно, но в процессе мне стало смешно – особенно, когда я рассказывал о прилавке с подарками в магазине и о своей дискуссии с Заком и Анжелю.

– Не сомневаюсь, что Анжелю счел все это до истерики уморительным, – сказал он.

– О да. Он посоветовал мне не

заморачиваться и просто сделать тебе минет.

Джаред рассмеялся.

– Честно говоря, я был бы не против.

– А еще он предложил мне купить кожаную упряжь.

Джаред оглядел меня с оценивающим огоньком в глазах, значение которого я немедленно распознал.

– Неплохая идея.

– И подвести глаза.

Джаред прыснул.

– А *вот это* плохая идея. Не

моя тема.

– Слава богу, – выдохнул я, и Джаред вновь рассмеялся. – Он сказал, чтобы я связал тебя.

– Если хочешь.

– Или чтобы я разрешил тебе проделать это со мной.

Искоса взглянув на меня, он усмехнулся.

– Кстати. У тебя же есть наручники.

– А, значит, тема все же твоя?

– Ну, от того, чтобы приковать тебя к нашей кровати, я точно не откажусь.

Не знаю, почему, но я никогда раньше об этом не думал. Но теперь, когда я начал обдумывать эту идею, у меня забурлила кровь. Мне нравилось, когда Джаред был агрессивным в постели, и я мог представить, что будет, если я окажусь под ним совершенно беспомощным. Я представил все, что он мог сотворить со мной. И неожиданно сильно зашелся.

Я наклонился через сиденье, захватил его волосы в горсть и, открывая шею для поцелуя,

отвернул его голову в сторону.

– Думаю, что предоставляю тебе такую возможность.

– Хорошо, – рассмеялся он. Но продолжить мне не позволил и оттолкнул меня. – Я напомним тебе, когда мы вернемся домой.

Мне определенно не хотелось ждать. Внезапно я испытал острое желание прикоснуться к нему по-настоящему – прямо здесь и сейчас, в машине, – и все-таки я заставил себя расслабиться на сиденье. В конце концов он был за рулем. И в случае аварии

по моей вине мне очень не хотелось объяснять своим приятелям-копам, *почему* это случилось.

– Приехали, – произнес он.

Я не обращал внимания на дорогу, но теперь узнал это место: маленькая грязная парковка у начала тропы, а чуть дальше, хоть отсюда его не было видно, – здоровенный валун или Скала, как называли его местные дети. Помимо нескольких случаев, когда я приезжал сюда в качестве копа разогнать пьяных

подростков, я был здесь всего один раз: в день, когда мы с Джаредом познакомились.

Изумленный, я оглянулся и обнаружил, что он даже покраснел.

– Дурацкая идея, да? – спросил он.

– Нет, – заверил его я. – Напротив.

Садилось солнце, наши руки были заняты вином и стаканами, и местами лежал снег и наледь, поэтому мы не стали взбираться вверх по камням, как в день нашей

встречи, а поднялись по склону холма и оттуда вышли на вершину Скалы. Как и тогда, мы сели рядышком на краю. Джаред подал мне стакан с вином, и мы стали смотреть, как небо на западе расцветает всеми оттенками розового и оранжевого, а в вышине над нашими головами зажигаются первые звезды.

Три года назад стояла весна – теплая, ясная, – а долина внизу была живой и зеленой. Сейчас было голо и холодно, но все равно

прекрасно. Я вспомнил, как хорошо мне было в тот день сидеть на валуне рядом с Джаредом. Я уже тогда понял, что нашел человека, который может стать моим другом, более того, оказаться родственной душой. Но я даже не предполагал, насколько важным для меня он станет в итоге. Он стал моим лучшим другом, моим любовником и моим спасителем. Можно было только удивляться тому, как судьба в тот день привела меня к магазину его семьи и

подтолкнула спросить о
выставленном на улице джипе.
Но что, если бы я не зашел? Когда
был городком маленьким, а
значит рано или поздно мы бы
встретились, но почему-то я был
уверен, что все было бы иначе. Не
было бы волшебства этого места.
И я бы никогда не раскрыл
секрет, который столько лет таил
у себя в сердце – что меня
привлекают мужчины, что я не
представляю, как по-настоящему
полюбить женщину. Я бы
продолжал заводить отношения с

девушками, безуспешно пытаюсь осчастливить своего отца и наблюдая за тем, как моя мать прозябает в несчастливом браке.

Но наша встреча повлияла не только на мою жизнь. Жизнь самого Джареда тоже изменилась. Если бы мы не встретились, он, наверное, по сей день работал бы в магазине своей семьи, а не в школе, о чем в действительности мечтал. Если бы он остался, магазин не закрылся бы. И мы бы никогда не познакомились с Заком и

Анжело.

Поворотным моментом жизни для нас обоих стал миг, когда я увидел выставленный на продажу джип Лиззи. Поддавшись импульсу, я решил зайти и спросить о нем, и за стойкой в тот день стоял Джаред. *Все*, что было мне дорого, являлось результатом той встречи и возникло после того, как он – по причине, которую я не вполне понимал до сих пор – привез меня в это место.

Он был для меня центром мира. Я так сильно любил его, и

мне хотелось рассказать ему обо всем этом, о том, как в момент нашей встречи я понял, что моя жизнь никогда больше не будет прежней. Но я не мог. Я не умел открываться. Даже с ним.

Джаред подливал себе вино уже во второй раз, тогда как я свое еще даже и не попробовал. Я отпил немного и чуть не сплюнул.

– Анжело прав, – выдавил я, когда сумел-таки проглотить вино. – На вкус как грязь.

Джаред рассмеялся.

– А мне, кажется, понравилось.

Второй стакан пошел много легче.

Стемнело, но я мог разглядеть, как заалели от холода его щеки.

Как его дыхание на морозном воздухе превращается в облачка.

Я поставил стакан на камень и пересел ему за спину, так что он оказался меж моих ног. Обнял его, и он со вздохом откинулся на меня, а я зарылся лицом в его отросшие жесткие кудри. Он все грозился подстричься, я же всякий раз возражал, хоть и знал,

что скоро буду вынужден
уступить – уж слишком
непослушными они стали.

– Прости меня за кухню, –
сказал я.

– Ты прощен. – Потянувшись
за спину, он скользнул ладонью
меж наших тел и прошелся вниз
по моему животу до паха. И
дразняще сжал меня. – Я правда
очень хочу приковать тебя
наручниками к кровати.

– Если хочешь, можем поехать
домой.

– Не сейчас. – Он отпустил

меня, чтобы налить себе еще немного вина. – Сначала надо немного развлечься.

– Не дома?

– Ты же понимаешь, о чем я.

– Да, – согласился я. – Еще рано, и сегодня все-таки День Святого Валентина.

– Точно. И я хочу есть. А то захмелел от вина на пустой желудок.

– Так чем именно ты хочешь заняться?

Он пожал плечами.

– Что сегодня у Анжело?

– «Славные парни».

– В День Святого Валентина?

– Он сказал, у них будет анти-праздник. С пивом, начос и куриными крылышками.

Джаред оглянулся на меня через плечо.

– Идеально.

Что самое смешное, так оно и было. Решительно настроившись изобрести что-нибудь романтическое, я почему-то не подумал *о нас*. Мы не ужинали при свечах. И не смотрели слезливые мелодрамы. Мы пили

пиво, ходили на футбол, а в плане кино, как правило, сходились на том, что чем больше взрывов, тем лучше. И как я забыл об этом?

Я сидел, обнимая его,
впитывая тепло его тела, вдыхая
запах его волос, а он пил вино.

– Уже почти семь, –
проговорил он бог знает сколько
минут спустя. – Пора ехать.

Поднявшись, я протянул руку,
чтобы помочь ему встать. Если я
сам выпил всего один маленький
стаканчик вина, то он прикончил
почти все, что было в бутылке.

– Кажется, я нарушил закон об открытом распитии спиртного, – сказал он.

– Завтра выпишу тебе штраф, – ответил я, забирая у него из кармана ключи.

Вслед за ним я пошел к машине. Теперь, когда мы больше не согревали друг друга, мне вдруг стало ясно, насколько на самом деле холодно. И темно. Единственным источником света была большая, выпуклая луна. Спуск занял много больше времени, чем подъем. Я был рад,

что все закончилось хорошо, и тем не менее отчаянно жалел, что не смог собраться с духом и открыть ему все, что было у меня в сердце. Иногда мне хотелось, чтобы мы не были настолько парнями.

Около джипа он остановился. То был тот самый джип, на котором мы приехали сюда в день нашей встречи. И который я на следующий день купил у его невестки. С минуту он смотрел на него, после чего повернулся ко мне лицом, хотя разглядеть что-

либо в темноте было сложно. Секунду поколебавшись, он подошел ко мне. Обнял за талию и поднял на меня глаза.

– Я правда рад, что ты захотел купить этот джип.

Его слова вызвали у меня улыбку. Принесли невыразимое облегчение. Прогнали все сомнения, поселившиеся у меня в голове. Мне не нужно было ничего говорить, потому что он знал все без слов. Мы всегда чувствовали друг друга, и я осознал, каким же дураком надо

было быть, чтобы в этом засомневаться.

Джаред поцеловал меня. Его губы были прохладными, рот – теплым, а на языке чувствовался вкус вина, ничуть не похожий на грязь, но сладкий и терпкий. Он крепко прижал меня к себе. Его руки и звуки, которые он издавал, намекали на то, что будет, когда мы окажемся дома.

Наконец он отстранился, слегка задыхаясь от поцелуя.

– В следующем году, – проговорил он, – вместо того,

чтобы слушать Зака,
воспользуйся советом, который
дал тебе Анжело.

Я рассмеялся.

– Хорошо. Только не смей
говорить ему. Иначе мне этого
никогда не спустят.

Все еще держась за меня, он
запрокинул голову и
расхохотался, предоставив мне
отличный повод еще раз покрыть
поцелуями его шею.

– Договорились. И о
наручниках не скажу.

– Слава богу.

– Я люблю тебя, – произнес он.

Крепко сжав его в объятьях, я зарылся лицом в его волосы.

– Слава богу и за это тоже, – сказал я в основном себе. – С Днем Святого Валентина.